

МУХТАР И ЧЕРНУШКА

Инна Сапега



В маленькой квартирке на первом этаже пахло пирогами, смородиновым вареньем и старостью. Тетя Маруся в коридоре чмокала меня в обе щеки, крепко держа за плечи.
— Как выросла!

У неё было простое круглое лицо, с носом-картошкой и небольшими голубыми глазами, которые смотрели всегда как-то тихо, будто смущенно. В этих глазах часто появлялись слезы, которые она незаметно смахивала, улыбаясь так же тихо и смущенно, как и смотрела.

— Пойдем, пойдем. Я уже для тебя пирогов напекла. И у меня есть подарок!
Она отпустила мои плечи и отправилась в кухню.

Тетю Марусю я любила, любила как свою бабушку, хотя и не понимала её: она работала дворником, а ещё ходила в церковь. Её мир в мои шестнадцать лет казался мне миром пыльных икон, сухих просфор и старых кофт, которые она собирала на помойке, а затем одаривала меня. Кофты пахли нафталином, пальцы же тети Маруси, застегивающие на мне пуговицы обновки, валерьянкой. Она снова смахивала слезу:

— Тебе очень идет!

Я недоверчиво жала плечами, но «новую» кофту храбро не снимала весь вечер — пусть ей будет приятно.

Тетю Марусю я ещё и жалела. Она приехала из деревни в Москву в сорок лет, устроилась сначала няней, а потом дворником, и вскоре вышла замуж за своего

напарника по работе Владимира. С дядей Володей детей у них не было. И всю свою нерастрченную материнскую любовь она дарила нам — внукам её родной сестры.

Привыкшая к труду и лишениям в деревне, она и в городе продолжала вести жизнь суровую. И даже в семьдесят вставала в три утра и в любую погоду шла мести улицу, чтобы к восьми во дворе уже было чисто. А затем приходила домой и занималась делами домашними: летом и осенью — заготовкой и консервированием, зимой — вязала нам свитера. А ещё пекла к нашему приезду пироги. Пироги её были необыкновенно вкусными.

Мы сидели на кухне и ждали, когда закипит чайник, как скрипнула входная дверь. Черная пушистая собака забежала в кухню и с лаем кинулась на меня.

— Мухтар, нельзя! Нельзя. Это наш друг. — окрикнула тетя Маруся.

Собака перестала лаять, но шерсть на загривке не опустила, и пристального взгляда не отвела, будто пытаюсь понять мою суть.

Я раскрыла свои ладони и протянула их собаке.

— Я — друг. Смотри — у меня ничего страшного нет. Я ни на кого не бросаюсь. Меня в гости пригласили хозяева. А вот ты — раскричался некультурно...

Пес с интересом смотрел на меня, а я на него. Он был красив, с блестящей черной шерстью и бело-рыжей гривой (видно кто-то в его роду был коли), только небольшого роста и кругловат.

— Это наш Мухтар. — в кухню вошел дядя Володя, покрасневший с улицы. — А это Чернушка.

За ним боязливо выглянула пегая морда дворняжки — собаки непонятного цвета, с взлохмаченной шерстью и куцым хвостом. Увидев Мухтара, собака подбежала к нему и преданно села рядом. Мухтар завилял хвостом, глядя то на неё, то на меня.

Мир, поняла я и убрала руки.

— У вас собаки? — удивилась я.

— Да, — ответила тетя Маруся, ставя на стол еще одну кружку для мужа. — С самого января живут.

— Они — пара. — Заметил дядя Володя.

— А ты разве не слышала их историю? Да, ведь ты в последний раз приезжала под Рождество, поди... — тетя Маруся вздохнула, налила нам всем чаю и поведала такой рассказ.

— Ты же знаешь, мы встаем рано, перекрестимся и на улицу. Метлы в руки, надо столько успеть. А тут мету я возле дома соседского, да вижу собака — Мухтарка — в помойке рыскает. Я собак не боюсь. Мету дальше. А он встал и смотрит на меня долго. Глаза умные такие. Я ему из дома каши молочной принесла — у нас оставалась... На следующее утро они вместе пришли — он и Чернушка. Я мету, а они возле меня. Но не мешают мне, а будто компанию составляют. И стали каждый день приходить. В общем, привязалась я к ним. Стала приносить когда кашу, когда косточку какую. А тут помнишь, холода какие стояли зимой... Вижу, что Чернушка-то на сносях, родить скоро должна. А где рожать то, мороз страшный? Я пожалела её, домой взяла. А Мухтара Володька на улице оставил. Так что думаешь? Он как-то пробрался в подъезд и три дня у нас под дверью сидел. Пришлось и его пустить. Щенят пятеро родилось, но выжили двое, видно все же подморозило её уже тогда, на улице.

Мы сами живем небогато, куда нам еще собак столько, да и время тяжелое сейчас...но Господь помогает. А тут еще и Мухтар стал добычу приносить. Пойдет он со мною утром на уборку да и пропадет на полдня. Впервые прибежал после такой отлучки вечером, весь взмокший, в пасти что-то торчит.

«Мухтарка, что это у тебя?» — Володя его спрашивает. А он так аккуратненько кладет ему к ногам батон колбасы вареной, вообще нетронутый. Видно где-то в лавке своровал... Понятно, съели мы её — такого качества отродясь не ели. Потом он снова несет-то сардельки, то сыра кусок. Помогает он нам, как может за то, что мы его с Чернушкой приютили. А щенят ихних мы потом на Птичку отвезли, как подросли они, отдали в руки хорошие.

— А Мухтар и Чернушка у вас остались?

— А куда ж их теперь выгонять... — проговорил улыбающийся дядя Володя. — Привыкли мы к ним, а они к нам...

С тех пор в маленькой квартирке на первом этаже меня встречали не только поцелуи тети Маруси, но и собачьи приветствия. Постепенно и я привыкла к собакам и полюбила их. Это, действительно, была пара.

Красавец Мухтар нежно заботился и охранял свою неказистую Чернушку, а та была ему верной подругой и всегда его слушалась. Первая она никогда не ела, всегда уступала Мухтару. Он же ей оставлял самые лакомые куски. Бывало он лежит на кухне, Чернушка придет и ляжет рядом. Он заворчит немного, но подвинется, сам на неё морду

положит. Она спрячется в его гриве и спит. Иногда Мухтар пропадал на пару дней, но всегда возвращался то с добычей, то с боевыми ранениями — как пес он любил сражаться.

Так прожили собаки у тети Маруси с дядей Володей восемь лет. Чернушка уж поседела вся, толстая стала. Мухтар охромел после того, как попал под машину. Морщины у глаз тети Маруси разошлись во все стороны. Дядя Володя жаловался на сердце.

— Вот и ждем мы, кто из нас первым уйдет... — однажды сказала тихонько тетя Маруся.

Первой ушла Чернушка. Что-то съела не то, подобрала на улице, видимо, когда Мухтара рядом не было. Дядя Володя похоронил её в ближайшем лесопарке ночью. Была весна, и копать было нетрудно. Мухтарка на могиле взвыл и долго не возвращался из лесу домой. А когда вернулся — слег. Говорят, собаки тоже умирают от тоски.

Без собак квартира тети Маруси казалась пустой. Тетя Маруся осунулась, и слезы все чаще появлялись в её глазах. Теперь она уже их не смахивала.

— И мне скоро уходить... — говорила она, наливая мне чая и пододвигая тарелку с пирогами. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать... Что же у всех свой срок.

Я сидела на кухне, увешенной выцветшими бумажными иконочками, одетая в кофту, пахнущую нафталином, в мире, который когда-то не могла принять, и который сейчас стал очень родным и близким... Но не слишком ли поздно?